

Илья Кушнер

СБОРНИК
«ВЗГЛЯД РЕБЕНКА»

Трагедии в стихах

16+

Илья Леонидович Кушнер

Взгляд ребенка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53816333

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06660-1

Аннотация

В этом сборнике стихотворных трагедий вы познакомитесь с трудными судьбами детей. Разум ребенка не всегда трезво воспринимает все происходящее вокруг и зачастую строит свою маленькую вселенную поверх настоящего мира. Но не всегда этот мирок безмятежен и сказочен...

Содержание

Виноград	4
Зайчик	22
Оттепель	36
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виноград

Женщина сидит на кухне за маленьким столом перед окном. Рядом с ней стоит мужчина. Он поставил перед ней бутылку вина, и она жадно хватает ее, но вскоре тихо разжимает пальцы и начинает плакать

В арке, ведущей на кухню, стоит и смотрит ее маленький сын

Женщина поет

Действие начинается

Ты даёшь мне вино...

Оно в моём теле!

Оно, как и яд,

Отравляет меня-а-а...

Предо мною окно...

Отражало доселе

Мой бедный наряд,

Больное лицо-о-о...

Осколки распались...

Врезаются в кожу.

Мне больно – я ёжусь

И жду.

Я пьяная скалясь,
Смотрю – не похожа:
Обрюзгшая рожа
В бреду...

проходит время

«Миша, где ты? Ты мне нужен!..»

10 секунд тишина

Побыстрее, Миша, слушай!

еще 20 секунд

Неужели так нагружен?..»
Крик истошный «Больно мне!»»

Миша смотрит в стороне.

«Миша, Мишенька, сыночек...
Маме плохо, тошно очень.
Тяжко маменька хлопочет.
Помогай и ты ей, сын.

Ты у матери один.»

Мальчик к ней шагнул тихонько,
Но одумался и встал.
Кто-то звонко, как девчонка,
За оконцем закричал.

Мама выдохнула, дышит.
Ей дыханье тяжелей.
Миша часто это слышит
И бежит скорее к ней.

Он упал к ней бессловесный.
Мальчик бледный вторит: «Что?».
Но ответ ему известен.
И лицо его желто.

«Посмотри бутылку маме.
В старом хламе, там должно...
Завернула ту в пижаме,
Чтобы Витя не нашёл.»

Миша медленно поплёлся,
Ручку двери повернул.
Он с собой, идя, боролся.

На балкон, трясясь, шагнул.

На балконе роет мусор:
Документов стопка там.
А бутылки нету – пусто.
Будь, ребенок, рад листам.

И вернулся – лишь коснулся
Белой маминой руки,
Как глазам тем ужаснулся,
Полным жажды и тоски.

«Нет бутылки? Нет! О боже!
Нужно пить! Найди мне, сын...
Жар на коже... Мне поможет
Только схожий с ней графин»

Через крики слышен стук:
Раздается тяжким стоном.
Он стальным ужасным звоном
Вызывает вмиг испуг.

Миша дверь не открывал:
Он прекрасно знал – за нею
(Раз на улице темнеет)
Мамин брат, дрожа, стоял.

Голос грубый и мужицкий
Через двери голосил.
Брат нестройный, круглолицый
Всё пустить себя просил.

Он принес сестре бутылку,
Как носил уж много лет.
Много бед за ним врассыпку
Будто ходят быстро, вслед.

Мальчик сдался, слыша крики:
Крики мамины и плач,
Стоны громкие, и дикий
Визг безумный – он палач.

Миша взял бутылку вяло,
Маме тихо преподнес.
Лег у ног ее устало...
И терпел спинной мороз.

Пена маменьки во рту.
Пьёт бутылку не жалея.
И совсем уж обомлея
Только, бросит на плиту.

Драка с лестницы слышна.
Тишина рождает нервы.
Не терял ребенок веры:
«Мам, не пей его, вина...

Тебе жизнь еще... нужна.»

На полу он рядом спал
С мамой ночью (страшно очень).
И дыханье слушал – точно:
В рот смотрел и не моргал.

А дыханье прерывалось,
Задыхалась мать во сне.
На спине, трясясь, валялась,
Жалась бледная к стене.

Пена белая текла,
Изо рта лилась у мамы.
Пятна желтые пижамы
(Что давно уж ей мала)
Лились темными тонами,
Мать стирала их руками:
Ткань разорвана зубами,
Как и мать – худа, дохла.

Миша спал в середине ночи,
Но проснулся – затрясло.
Ветер в щель окна бормочет.
Маменьки лицо – бело.

Вдруг не слышно и дыханья:
Миша вдох от мамы ждёт.
Видит взгляд пустой, бараний;
Приоткрытый мамин рот.

Прыгнул к маменьке, и щеки
Бьёт и бьёт ей и кричит.
Ждёт какие-то намеки,
Что в ней жизнь еще кипит...

Просыпается от страха.
Резко дернулся – и встал.
Мать жива: за ночь одряхла.
В пальцах держит свой бокал.

Стук дверной – опять тот ужас.
Каждый день брат носит ей:
Утро, вечер, жар иль стужа –
Мать становится хмелей.

Миша с силой открывает

Двери брату и орёт.
Восвояси прогоняет
И толкает всё вперед.

Но уставши (так уставши!)
Просит дяденьку уйти.
На колени больно павши,
Он взрыдавший вдруг притих.

Подождав чуток, немного,
Он пищит себе под нос:
«Не хочу терять родного
От спиртного» – произнес. –

«Отравляете мне жизнь вы,
Я в пятнадцать лет – старик.
Брат сестру спивает – изверг!» –
Раздается страшный крик.

Брат задумался, глазами
Вниз повел и так стоит:
«Ты подумай-ка о маме.
Голова ее гудит.

Ей нельзя без винной браги:
Без нее умрет она.

Будет жить в темнейшем мраке:
Мама стухнет без вина.

Да и, впрочем, виновата ль,
Миша, маменька твоя,
Что еврей какой-то (гады!)
Навыдумывал вина?

Ты, Мишаня, мелок слишком...
Я оставлю это здесь.
Отнеси вино, мальчишка.
Не тебе судить, не лезь».

Мальчик дверь закрыл скорее...
Обернулся – там стоит
Мама – и в глазах всё злее
С каждым мигом: страшный вид.

«Ты, отдай бутылку, Миша!
Что ты вышел?.. Мне мешать?..
Взял вино мое, воришка...
Лишь услышав: просит мать...»

Миша дрогнул, пошатнулся –
В ванну прыгнул и сидит.
Ключик блёклый повернулся...

Дверь закрыта – мать глядит

Через щель дверную странно:
Взгляд безумный в тех глазах.
«Ты зачем запрятал в ванной
Мой подарок?» Сын в слезах.

«Мне мой брат принес водицы...
Не годится... тебе так
Поступать и не стыдиться!..
Так ты сын мне или враг?!»

Начинает мать ломиться.
Сын боится – и к стене
Жметя близко, слышит визги.
Рой мурашек по спине.

Дверь растрескалась – стара.
Мишка мигом спохватился:
Кое-как в бутыль вцепился.
Вылил чуточку вина...
Но оставил в ней – сполна.

В ванной Миша дышит слабо:
Мать пред ним сидит пьяна.
Ее челка сбита набок.

Кроме кашля, тишина.

«Миша-а-а, я нэ ви-но-ва-та!

Это фсё оно – ВИНО!

Из-за твари – ви-но-гра-да

В моей жизни – так темно...

далее так же пьяным голосом

Нелегко мне жить на свете...

И вино – хмельно зачем?

В этом грустненьком куплете

Объясняю суть проблем:

Ненавижу умирать я!

Ненавижу смерти смрад,

Я у врат хочу быть рая,

Но – СЕДАЯ!

Только так...

Виноград мне в том мешает!

Этот чертов виноград!

Смертным пойло предлагая,

Нам дорогу строит в ад.

Виноград! Как ненавижу!

Ненавижу! Дьявол в нём!..
Виноградник как увижу,
Так спалю его – огнем...»

затухает – засыпает

Миша ночью вдруг проснулся –
Ужаснулся: понял он
(И от мыслей пошатнулся):
Ему снился страшный сон:
Он взбешён
Как будто
Сильно...
Керосином
Окружён.
Жар пылает, как светильник.
«Виноградник – он сожжён...»

«Сон мой знаковый и вещий...
То-то маменьку трясло!
Что же делать, если вещи
(Виноград хотя бы) – зло...»

Я спасу ее! О боже!
Виноград – зачем ты есть?!

Я встревожен... День негожий.
Виноград, свершится месть!»

Начал мальчик собираться:
И с балкона взял бензин –
Он один решил ворваться
В виноградник у долин.

Ветер к дрожи подбивает.
Вечер. Холод. Носик жжёт.
Стуки резкие пугают.
В виноградник виден вход.

Свежесть ягод, терпкий вкус
Остается в горле разом:
Спелый, сочный стынет груздь
На большом стволе чумазом.

Обойдя охрану, Миша,
Побежал в средину – вглубь.
Он старался быть потише,
Разрезая светом мглу.
Вслух молился богу свыше
В тиши бросил: «загублю...»
Спичка – искра. Дымом дышит,
И несет погибель злу!

Убегает с пепелища:
«Мир сегодня стал почище...»

И несётся сын домой...
Он у мамочки – герой.

Дома к матери Мишутка
Сел тихонько –
И в сторонку
На какого-то мышонка
Молча, думая, глядел.

Наш малютка не на шутку
Постарался – и пыхтел.
Он не спал буквально сутки:
Лег к ногам ее – в постель.

Поутру раздался звонкий
Стук дверной. Вскочил сынок.
Повернул барашек тонкий,
Робкий вышел на звонок.

Брат стоял, а сердце в пятки
Улетало. Был вопрос:
Неужели брат запрятал

Где-то поило? И принес...

Но он был пустой, однако,
Знаком дал понять, что нет.
Нет теперь вина – и в мраке
Растворился брат. Скрипеть

Ручка двери начинает!
На лице улыбка: «Есть!»
Миша взглядом провожает,
Душегуба взглядом ест.

Мать проснулась, ждет «подарка».
В арке сын вдруг встал, смотря,
Как светило солнце ярко,
Жар дарило сентября.

«Мама, кто-то виноградник
Ночью сжѐг вчера. Я рад!
Будет в доме вечный праздник!
Ты не будешь впредь хворать...

Виноград теперь не страшен.
Нет у нас теперь его!
Ох, насколько миру краше
Без вина-то одного!

Ты ведь тоже рада, мама?
Ну чего ты так грустишь?..
Рот открыла – и упрямо
Что нерадостно так зришь?..»

«Нет, я рада, нет вина!
Твоя мама – спасена...»

Проходили дни, недели.
Миша вышел на три дня...
Побираться у отелей,
Там всегда людей сполна.

Он собрал немного денег.
Мокрый мальчик шёл домой,
Под луной в тиши осенней
Мимо маленькой пивной.

Дома было странно тихо.
Он почти что забежал.
Мать в углу сидела, дрыхла.
Мальчик руку ей разжал.

Отошел. Рука гниёт.
В ней отверстия от гноя.

Мать всё ноет –
И во сне
Ищет ляжку на ремне.

А ремень зажат повыше –
Та никак не может снять.
На лице волдырь, грязище,
И волос скомкалась прядь.

Покраснения на коже,
Бледной рожки виден взгляд.
Мише плакать бы – не может.
А виски – ох, как болят!

Шприц лежит разбитый рядом.
Ядом травит мать себя.
На простынке, грязной, смятой,
Села, по полу скребя.

Поднимает вдруг глазищи,
Смотрит прямо на него.
И рукой всё что-то ищет,
Хрипло молвит: «Таков-о-о!»

Миша, Миша! Помоги мне!
Подойти ко мне, мой сын!

Ты один у мамы, милый!
Принеси пузырь вакцин!...»

Кашляет и хрипит

Умирая и стоная,
Упирается к стене.

Миша смотрит в стороне –

Остается – в тишине.

Зайчик

Глава 1

В одном из дальних городов
Семейство дивное жило.
Не буду врать, им тяжело
В России очень жить!

И может быть не столь важно
Знакомлю или нет
С судьбою каждого. Прошло
Уж столько долгих лет

В среде у каждого из нас,
Где драки, пьянство, ругань —
Уже есть жизненная часть,
Как завтрак или ужин.

Читатель каждый – гражданин
Великой, необъятной.
Среди холодных, лютых зим
Провел годок десятый.

А стало быть,

Не нужно вскрыть
Деталей всех посильных.
Уже насмотрен на таких
Любой, кто жил в России.

Но все же остаётся
Мы тут на лишний час.
Облезлая каморка —
От комнаты каркас.

На стенах паутина,
Обоев лоскутки...
И краска, будто тинной
Набросаны мазки.

И в комнате, в середине,
На старенький стеллаж
Упал какой-то синий
От водки персонаж.

Холодный красный нос.
Мужчина хоть куда!
Работал на износ!
Потом нашлась жена.

Женился рано, по любви,

Конечно, не напрасно,
Они ребенка завели
В год свадьбы, скажем, сразу.

Он, будучи героем,
Поставил себе цель,
Усилием, на воле,
Прокормит всех детей,

Жену и даже кошку:
Захочет – сможет всё!
И маленькую крошку
Оставил он, осёл.

Мечтал о доме и уют,
Как у других, хотел.
Как дочку в школу отдадут —
Мечтою сердце грел.

Потом случилась вдруг беда,
Котенок умер – сгрызли,
И честью памяти кота
Пришел к животной жизни.

Гулянки, песни, алкоголь —
Губительная смесь!

Ох, сколько бесконечных воль
Сгубила, что не счесть.

Забылась дочка быстро,
Ну, впрочем, как жена.
Холодную бутылкой
Заполнена душа.

Другое дело – мать семьи.
Мечты о счастье бренны...
Когда остались на мели
Работала в две смены:

Посудомойкой до ночи
И кое-кем наутро.
Ну как, ребенка прокормить,
В России нынче трудно.

И спутником ее теперь
Не муж, а слезы стали.
О тяжком бремени потерь,
О молодости, Але.

Кто Аля? – это ангел,
Повинный только в том,
Что в рае выбирая,

Не в тот попала дом.

У Али голубые, как океан, глаза.
Каштановые кудри зачесаны назад.

И голос тонкий, мягкий.
Не плачет никогда.
За долгих пять лет жизни
Все выплакать смогла.

На ней любимый бантик,
Зашитый не впервой.
Менять его не станет
Ни на какой другой.

На щёчках пара вмятин,
От голода иль так...
Всегда в одном наряде —
Голубенький пиджак.

Друзей ей и не надо!
Она всегда одна.
Есть мишка, мама, папа
И Аля – вся семья!

А ночью, перед сном,

Она, сопя, пищит:

"Мой мягкий мишка, утром
Нас зайчик навестит."

Глава 2

Вернувшись злой с работы,
Расстроенная мать,
Начав свои заботы,
Решила шкаф убрать.

"Со стен содрать бы пыли"
– сказала, загорясь. —
"Как мы давно забыли,
Где копится вся грязь!"

Натужилась и с силой
Толкнула матерь шкаф!
Подвинуть сил хватило,
Легонько покачав.

Кричала зло на мужа,
Который не помог.
"Лежал как свинья туша.
Какой с такого прок?"

Услышав крики мамы,
Вбежала дочка к ней,
Старалась и толкала,
Но не могла сильней.

"Мамочка, потише,
Папочка же спит.
Мы слишком громко дышим —
Разбудим, разозлим."

Мама, наклонившись,
Крикнула в лицо:
"Ах, если бы мужчина
Был твоим отцом!"

Из комнаты подальше
Диванный скрип дошел.
Коленки задрожали,
Дыхание светло.

"Уйди! какая польза
С тебя – ещё мала...
Добилась, разбудила!
Лежала б да спала!"

Страшно было девочке

В комнате сидеть.
Снаружи там как будто
Ходил, стучал медведь.

"Я правда не помощник,
Так странно, почему?
Грибной бы сюда дождик
И мигом подрасту.

Мишка, мне бы мамочке
Чем-нибудь помочь,
Чтобы та увидела,
Как любит ее дочь"

Глава 3

Проснулась в ночь малышка,
Услышав мамин плач,
И тихо, словно мышка,
Решила быстро встать.

Пошла мыском по полу,
Носочки не надев.
А мама под наклоном
Рыдала, чуть присев.

Дышать ей было трудно.
И всхлипывать, но всё ж...
В гостиной странно гнутый
Лежал кухонный нож.

Закрыла мать руками
Лицо и левый глаз.
"Я тут, с тобою, мама,
Я буду здесь сейчас!"

Алиночка тихонько,
Пальчиком скользя,
Глазик приоткрыла
Маме, где нельзя.

Открыла, засмеялась:
"Мамочка, смешно!
Зачем решила плакать,
Не плакала давно?"

Фломастером под глазом
Папа рисовал,
Сиреневым намазал
Красивенький овал.

Мамуль, не обижайся!

Хотел он пошутить.
Иди, наумывайся,
Чтоб краску эту смыть."

"Я так устала, Аля.
И ты тут лишний рот.
Бывает жизнь поганей,
Чем в этот мерзкий год?"

Пихнув несильно дочку,
Та встала и пошла.
Закрыла дверь нарочно,
Чтоб не была слышна.

Малышке оставалось
Лишь в комнату идти.
Пришла и мишке радость
Решила осветить:

"Мишка, хочешь чая?
Ишь сколько запросил!
Ты чай воображая,
Весь прошлый позабыл.

Ну ладно, мой возьми-ка,
Сегодня обойдусь.

Приснится ежевика –
С тобою поделюсь!

А я переживала:
Она опять ревёт!
Не любит шуток мама.
Водю ж все сотрёт."

Глава 4

Малышка рано встала.
Там зайчики в окне!
Как долго ожидала
Алина этот день!

"Мишка, мишка, гости!
Зайчики, ура!
Быстрей-быстрей, проходим!
Я чая налила!"

Вбежала спешно к маме,
Но мамы дома нет.
Сервизом стол обставлен,
А завтрак не погрет.

Алина, сев на стульчик,

Подумала тотчас:
"Готовка маму мучит,
Помочь мне в этот раз?"

Вчера была голодной,
Работала, спала.
Решила вдруг Алина
Сварить бульон сама.

"Там будут витамины,
Зато не будет дна!"
Включила две комфорки,
А спички не нашла.

Кастрюлю вмиг достала,
Пошла в душ за водой.
Там долго наливала,
Зевнула раз шестой.

Поднять кастрюлю сложно,
Но Аленька смогла.
На стул поставить ножку...
Немного разлила.

С кастрюлей поднималась
На стул – мгновенно – бах!

Скользнула дочка малость,
Чуть было не упав.
Кастрюля из металла
Тянула вниз. Шагав,
За ней Алина пала.
Блеснула кровь в губах.

Глава 5

Мамочка Алины
Попала в самый дождь.
Бегом домой бежала –
Так липла к ней одёж.

Открыла тихо дверку,
Ведь на дворе уж ночь,
И запах сильный газа,
Да так, что сердце прочь!

Уходит сердце в пятки.
По венам скачет страх.
От мыслей этих гадких
Вбегает впопыхах.

Вбегает мать на кухню:
Там доченька лежит.

Включенная комфорка —
А значит газ открыт.

Зачем-то мама по лицу
Бить дочку начинает
Кричит, как будто нет уму,
Глаза ей открывает.

Ну вот, спокойнее теперь.
На полке что-то ищет.
Садится, закрывая дверь,
И тяжелее дышит.

Хватает спички, о, нашлись!
И как бы доставая,
Одну и две, держа в руках,
Тихонько зажигает...

Оттепель

Бывало такое:
Работали в поле
Ребята помладше тебя.
Но это на воле:
И хлебом, и солью
Накормлены день ото дня.

Бывают и в шахте:
Ребята на вахте
Работают ночи и дни.
Вы только представьте,
В оборванном лапте
Работал там мальчик один.

В скрипучем обозе
На диком морозе
Железки он носит:
Работал дитё.
Петькою звали —
Вот так вот назвали
Родители,
Бросив его...

Он вырос с надеждой,
Что в домике снежном
Так нежно
Обнимет отца.
Года проходили!
И где же? И где же?
Оставили мысли юнца.
Петруша игрушку нашел себе сам.
Красы в ней обычной не сыщешь.
С ней он таскался по близким лесам,
Слушал пение птичек.

Смотрел в небеса,
Как каплет роса,
Бальзам на глаза —
Это было.
Игрушка его расходилась по швам —
Он делал каркас из бутылок.

И ходил с ней к птенцам,
И ходил к ним не раз.
Чтоб поесть пополам, что припас.
И игрушку кормил,
Ведь был очень мил,
Не затем, чтобы всем напоказ...

Игрушкой милой бревнышко было.
Обычное бревнышко, да.
Натянута сверху, поверху бутылок,
Было подобие льда.

Северный ветер студил талый снег —
Конструкция вид принимала.
Можно увидеть по форме вполне
Мишку и даже марала...

Он представлял, что игрушка живая.
И правда, бывало, вдруг как оживет!
Боялась она одного – только мая,
Шубки когда снимает народ.

Тогда горько плакал Петруша над нею.
Когда вероломно весна к нам рвалась...
Когда теплый ветер нам солнышком веет,
Он дул лишь холодным на друга, трясась.

Спасал, сколько мог, а дальше сдавался.
И ждал до зимы, до стужи и льда.
Не знаю уж, право, куда он девался,
Игрушечный дух, весною всегда.

Друзей он нашел:

Они пьяные часто
Любили ругаться, и драться, и пить.
В погоде ненастной
И к поводам разным
Добру начинали "Петюху" учить.

Добро, говорят, с кулаками, бывает.
Оно, говорят, бывает, и бьёт.
Но любит – вот так! А зло убивает!
Законы не жалует честный народ.

Обидчику сдачи дать – здоровое дело,
Как здоровое дело – в праздники пить.
Врагов колотить – почитаем за смелость!
Но плакать не смей от девчачьих обид...

Работал он в шахте
(Работал отважно)
Но нам ведь не важно,
Что было там с ним.

Семь лет простучало,
(Вам кажется мало?)
А дётям без мамы
За два – год один ...

Поутру́ раз однажды,
Окутанный жаждой,
Он вылез с барака —
Начальник стоит.
Подумал он – драка,
Раз вылез из мрака
Наш brave и здоровый шахтер-командир.

Но рядом старик,
Какой-то несвежий
С ним тёплой улыбкой
Так тихо болтал.
И Петька увидел:
На прорези лысин
Какую-то рану приезжий чесал.

Старик говорил.
Как увидел Петрушу,
Улыбкой лицо озарилось светло!
Начальник идёт, и, несущий игрушку,
Сказал он Петруше:
«Вот время пришло.

Ты маленький – милый,
Похоже, кому-то...
Вот старый старик

За тобою пришел.
Ты нужен сейчас...
Работник, минуты!
Осталось со мной проводить» —
И ушел.

Дедушка старый с морщиной на лбу,
С очень забавной бородкой,
Подошел к стоящему смирно сынку,
Растянулся улыбкой широкой:

«Петя зовут, я знаю, тебя...
Я давно за тобой наблюдаю...
Ты работаешь дивно ни свет ни заря,
Стою тут, смотрю и вздыхаю...

Говорил с вашим главным,
(Он славный мужик)
Тебя больно любит он тоже.
Ты думаешь, что он так странно поник,
Опустил вяло грустную рожу?

Заплакать боится суровый ваш шеф.
Потеют от нервов ладони...
Решил он, однако, отдать тебя мне,
Ведь шахта ребенка схоронит.

Отец новый тут стоит пред тобой.
Не думай, что стар – это мелочь!
Только немного старик твой слепой...
На улице как посветлело!

Пойдем поскорее домой, милый сын,
Отогреем замерзшие руки.»
Петруша устало ломал кучу льдин,
В марте лед хилый и хрупкий!

Петруша так тихо, как только он мог,
Бормотал под румяные щёки:
«У нас будет теплый с тобой теремок
Под куполом крыши высоким?

Далеко путь держать нам, думаю я...
Пойду, попрошаюсь с друзьями...
Услышу последнюю песнь соловья
И вымою руки ручьями.»

«Сыночек мой милый, нам нужно скорей...
Боюсь не успеешь прощаться.
Моргает нам тусклый огонь фонарей.
На поезд скорее помчаться!»

«Но папа, игрушка моя, она там!
В лесу я ее закопал.
Наступает уже нам на пятки весна,
Игрушка – растает она!»

Папа не слышал, на санки сажал.
Сыночка пристегивал крепко.
Свет все сильнее-сильнее моргал.
Отец уронил свою кепку.

Вот мы и дома! Каков теремок!
Красив и обставлен по моде.
Была б моя воля, я б сам там чуток
Погостил по морозной погоде.

Полные свечи горят ярким светом.
На полу, на стене спят устало ковры.
Коты отдыхают на пледе согретом.
Папа на улицу дверь приоткрыл.

Петруша вошел в гостиную сразу
И сразу увидел всё то...
Удивился, потер кулачками два глаза,
Сбросил на столик пальто.

Папа игрушки принес ему мигом:

Солдатик красивый: ружья, мечи;
Конь гусарской с огромною гривой.
Покушать: пирожные, чай, калачи.

Папа тихонько Петрушу обнял,
Аккуратненько взбил все подушки,
Принес кучу русских ему одеял,
Пожеланий. Молитвы на ушко.

И ушел, а Петруша остался один.
Предчувствие жгло ему душу...
На крыше послышалось легкое «дзинь».
Скучает по другу-игрушке...

Привстал он тихонько и свечку зажѐг.
(Спички, однако, не трожьте!)
Начертил на полу побелѐнный кружок.
Прошептал: «Вы, друзья, не тревожьтесь».

Собрал он в кружок и коня, и солдат,
И бублик там был (но во рту).
Пытался он с ними мечты обсуждать,
Смотря им в глаза – в пустоту...

Пустые глаза. И темные были.
Не жили!

Они рядом с ним.
Лишь только застыли,
Как только их сшили,
Со взглядом стружили одним.

За окном воеет вьюга,
Видения друга
Приходят к Петруше во снах.
Крики ужасные с дальнего юга
Внушают тревогу и страх.

Скука и скука,
И скука по другу!
Проснулся от стуков
Впотьмах.

Вспрыгнул мгновенно,
Холодные стены
Дрожали, и стуки в ушах.

Оттенки тех звуков давались для слуха
Тяжелою музыкой, да...
Вышел Петруша, вдруг стало так глухо.
Увидел – вокруг темнота...

В окне побелело и быстро исчезло

Железо

Как будто в ночи.

Петруша боялся, ох, как он боялся
Туда, к нижней двери идти!

А они всё стучали. Петруша идет.

Слезинка стекает по щёчке.

Кто-то за дверью усиленно ждет,
В эту претёмную ночку...

Сынок подошел, заскрипел старой дверью,

А дверь приоткрылась – открылась, а там:

Снеговик (ведь живой), короткою жердью

В окна он бьет, создавая шум-гам.

«Я из снега, как видишь. Мне холодно тут.

Поди-ка, постой на морозе!» —

Сказал Снеговик, известнейший плут,

И стал вдруг ужасно серьезен. —

«У вас, я смотрю, и печка, камин!

Тепло я отсюда почувял.

Пожить бы у вас, мисье, господин,

Я ночку у вас поночую...»

– Сказал он, почвякал. Опишем его,

Пока он в раздумье теснится.
Красив, белоснежен, само рождество!
Он как большинство, как девица!

«Хотя, мальчуган, я понял, я понял —
Право имеешь меня не пустить.
В ужасных от солнца тяжелых погонях
Умудрился я шляпку свою уронить...

Весна угрожает! Ведро потерял —
Великую шляпу свою.
Без шляпы, ты знаешь, бродягой гулял,
А в гости – друзья засмеют.

Я должен цилиндр пред вами снимать,
Когда поприветствую (вежлив).
Уж так научила меня моя мать —
Пренежный, любимый Подснежник.»

Петрушка застыл, удивлением полон.
Подумал, спросил: «Ты хочешь к теплу?
Куда ты пойдешь, за шляпой холодной?
Не в сторону ль юга, не к чаще ли вглубь?»

И голубь туда боится свободный
Летать пропитание детям искать...

Постой же, и шахта там в мире народном,
Далече, за лесом, где солнца закат...

Там друг меня ждет, мой родимый, спасенья!
Снеговик, ты возьмешь и меня за собой.
Я немного, признаюсь, бываю рассеян.
Поможешь найти мне дружищу тропой?

И я помогу, я найду тебе вёдра,
Хоть тысячу, тысяча их!
Помчимся по снегу на санках мы бодро,
Найдем мы любимых, любимых своих...»

В приключение дивное собрался Петруша.
В санки уселся и «НО!» прокричал.
«Что ж, да у папы работало лучше!..
Может, кого-то он в них запрягал?»

Снеговик как взмахнул короткою жердью,
Так появились олени в санях.
Озарилась дорога трепетом перьев:
Над ними вороны летели, кричав.

Сани помчались со скоростью света,
Звезды вокруг обступили луну.
Снега всё лились белоснежным букетом.

Петруша смеялся, на небо взглянув.

Снеговик поостыл, сидел без движенья.

Петруша спросил: «Дружище, ты как?

Секрет ли, сколь ехать нам в этом сиденье?

Сколько на юг путь держать в этот мрак?»

Снеговик посмотрел, улыбнулся тихонько,

Сказал, что им ехать всего лишь семь дней.

Ровно семь дней. А ветер вдогонку

Сопутствует им, а с ним веселей!

«Какие нас ждут приключения?»

«Известно!» – отвечал раздраженно тому. —

«Никто не поймет всех причуд провиденья!

Ух! Расскажи всё ему...»

Весь день и до ночи таскались они,

Как вдруг перелесок на фоне.

«Кажись мы подъехали... Только взгляни!

Молчи и не движься, ты понял?!»

Петруша застыл, смотря на него.

Снеговик задрожал, подъезжая.

Перелесок все гуще. «Тут есть существо...

И лапы, и пасть – во большая!»

Лес показался во всей красоте.

Коряги и ветки свисают.

«Расскажи-ка о лесе: что там, мы где?»

«По лесу козлята блуждают...

«*Козлиный лесок*», или «*лес всех козлов*».

По-разному это зовут...

Козлы тут нашли убежище, кров.

Единственный к югу маршрут...

Козлы не любили работать в горах.

И те, что ленивы, сюда побежали...

Но только, увы, не того они ждали —

Ужасной печали,

Ждавшей их тут.

Страх воплотился в ужасного монстра.

На них страшно злился

(И было за что).

Он тут поселился,

По лесу носился,

Носится нынче среди тающих льдов.

Ждут они вечно ухода его...

Но он не уйдет (я-то знаю!).

Глубокой печали он есть божество.
Собрал себе верную стаю.

Козлам тут легко. Козлы вечно блеют,
Зовут чужаков, заманивши, и ать!
У них божество... С нею спорить не смеют.
А могут лишь только, страшась, убежать.

Злая! Клыки! Ужасна, о боже...
Но ради ведра и тебя мы пойдем...
С собою ребеночка брать мне негоже...
Но что уж поделать – разочек живем!»

Тропа всё сужалась, а к лесу всё ближе
Тени сгустились, сомкнулись кусты.
Ветки устало Петенька движет,
Кромешную тьму от деревьев густых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.